

АНТРОПОЛОГИЯ СИБИРСКОЙ ТЫЛОВОЙ ДЕРЕВНИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АЛТАЙСКИХ ИСТОРИКОВ: НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

Рецензия на цикл публикаций, представленных в рамках проекта: Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации (РФФИ, № 15-31-01019-ОГН, руководитель Т.К. Щеглова).

Юбилейные торжества, посвященные празднику Победы в Великой Отечественной войне, актуализировали военную проблематику, породив новую волну дискуссий о формах исторической и культурной памяти, способах ее выражения и видах коммеморативных практик. Как пишут в этой связи авторы работы «Какое прошлое нужно будущему России», в современной России складывается «двухслойная модель исторического сознания» – героизированная версия государственного прошлого, внедряемая сверху, и формирующаяся снизу инфраструктура «локальной памяти», обусловленная желанием людей знать и помнить историю своей семьи, города и края¹.

Война как экстремальное состояние общества в основных своих историографических направлениях традиционно предстает либо через описание героизма, побед, либо сквозь призму страданий, лишений и горя². Минувший юбилей еще более противопоставил эти идеи, сторонники которых, несмотря на общее признание непреходящего значения Великой Победы над нацизмом, существенно расходятся в выводах и оценках ее последствий. Одни воспринимают воевавших исключительно как победителей, тогда как другие – преимущественно как жертв войны³.

Связанные с новыми памятными символами и практиками конфликты – относительно недавнее для российского общества явление. Вместе с тем такое направление, как военно-историческая антропология, в рамках которого на материале разных стран и эпох изучаются особенности сознания и поведения «человека воюющего», уверенно заявило о себе с начала 2000-х гг.⁴ Одним из очевидных следствий

антропологического поворота в исследованиях феномена войны стало смещение научного интереса с вопросов, связанных с историей и ходом военных действий, к «культуре войны» как таковой, изучению человека в условиях военной повседневности, особенностей его поведения и практик выживания, эмоций, оценок и восприятия им военного времени в целом.

Исключительно своевременным в связи с этим является реализованный под руководством Т.К. Щегловой проект, посвященный подвигу тыловой деревни Сибири. Поддержанное РГНФ исследование «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации» (проект № 15-31-01019) осуществлялось начиная с 2015 г. силами молодых сотрудников, аспирантов и магистрантов кафедры отечественной истории, а также Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Ими опубликованы тематические сборники, статьи и научно-методические материалы⁵.

проблемы изучения / гл. ред., сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 416 с.; и др.

⁵ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. Барнаул: «АЗБУКА», 2015. 132 с.; Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. стат. и источников / А.С. Кузнецов, А.А. Мазырина, А.В. Рыков и др.; отв. ред. Т.К. Щеглова. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 230 с.; Щеглова Т.К. Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: АлтГПУ, 2015. Вып. 10: Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. С. 248–262; Щеглова Т.К. Собирачество как стратегия выживания и элемент системы жизнеобеспечения сибирской тыловой деревни в повседневных практиках военного времени 1941–1945 годов по устным историческим источникам // Былые годы. Рос. ист. журн. 2015. № 35. С. 174–184; Щеглова Т.К. Сусличи промыслы и система питания колхозной семьи русского населения в годы Великой Отечественной войны: участники, способы, орудия ловли // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Павлодар; Барнаул: ПГПИ, АлтГПУ, 2016. Вып. 11.: Материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. С. 152–164; Щеглова Т.К. «Интимные» вопросы культуры жизнеобеспечения женщин сибирской деревни в годы Великой Отечественной войны: взаимодействие гендерной и устной истории в исследовании гигиены и санитарии // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. Смоленск; М.: СмолГУ; ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 253–258; Щеглова Т.К. Моющие средства в системе жизнеобеспечения сельского населения сибир-

¹ Какое прошлое нужно будущему России. Аналитический доклад Вольного исторического общества по заказу Комитета гражданских инициатив. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3076/> (дата обращения: 01.08.2018).

² Грозное время. Война в зеркале человеческого восприятия / сост. В.В. Виноградов. Временник Зубовского института. СПб: РИИИ, 2011. Вып. 6. С. 5.

³ Архипова А., Доронин Д., Кирзюк А., Радченко Д., Соколова А., Титков А., Югай Е. Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 106; и др.

⁴ См.: Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития / отв. ред., сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред., сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.; Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные

Актуальность избранной темы определяется парадоксальным, на первый взгляд, обстоятельством: при всем внимании отечественной науки к проблемам Великой Отечественной войны изучение жизни и быта сельского тылового населения долгое время находилось на периферии исследовательского поля. Внимание российской историографии было направлено прежде всего на состояние армии, фронтовые события, подвиги рядового и офицерского состава. Применительно к восточным тыловым территориям ведущие темы были связаны с эвакуацией промышленных предприятий, научных, образовательных и культурных учреждений, развитием военного производства, а также непосредственной помощью сельского населения фронту, включая трудовой подвиг селян на полях и фермах. Вместе с тем, как подчеркивает Т.К. Щеглова, именно способность деревни без помощи государства (сосредоточившего все внимание на боевых действиях) не просто выжить, но стать материальной базой для города и фронта во многом определила исход военных сражений, явившись опосредованным фактором победы⁶.

В ходе реализации проекта основной проблемой, которую пришлось решать авторам, явилось отсутствие готовых, релевантных заявленной теме источников. Такая ситуация, по мнению участников исследования, определялась официальной политикой памяти с ее «культом» письменных архивных документов, информация в которых изложена унифицированным и анонимным языком властных структур. Ограниченные возможности государственных архивов, аккумулирующих информацию, необходимую для принятия преимущественно политико-управленческих и административных решений, не позволяют выявить сведения, касающиеся повседневной жизни сельского тылового населения, его бытового обустройства, решения проблем, связанных с питанием, одеждой, жилищем, отоплением, санитарией, гигиеной и т.п. Подобного рода сведения содержатся в принципиально иных источниках, которые создаются при обращении к коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военной поры в ходе заранее подготовленных интервью с использованием подходов и технологий устной истории (Oral History). В течение многих лет Т.К. Щеглова занимается пропагандой данного направления. Неслучайно большое внимание в исследовании уделяется источникам устного происхождения, а именно –

ской тыловой деревни в условиях войны 1941–1945 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.): Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 263–269; Щеглова Т.К. Обеспечение зимней одеждой и обувью русского сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны в контексте государственной политики раскрестьянивания // Том. журн. лингвистических и антропологических исследований. 2017. 1 (15). С. 70–80; Щеглова Т.К. «Рукотворные» кизяки и «нерукотворные» «глызы» (коровьи лепешки) и объедья в системе отопления крестьянского жилища (1930–1950 гг.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 323–332. Все публикации представлены на посвященном проекту сайте. URL: <https://www.altspu.ru/history/kignak> (дата обращения 10.08.2018).

⁶ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 3–4.

способам их создания и документирования, записи диалогов интервьюера и респондента, фиксации и оформлению полученной информации⁷.

Методологически важной представляется попытка авторов разграничить устную историю и близкую ей смежную дисциплину – полевую этнографию, которая также опирается на устные сведения, получаемые исследователем в ходе беседы, опроса или интервью. Согласно авторскому подходу, полевой этнограф работает с удаленной во времени антропологической информацией, которая хранится в коллективной памяти местного этнокультурного сообщества в виде «мифологизированных преданий, семейных легенд и былей», тогда как «устный историк» изучает относительно недавнее прошлое через индивидуальные «life stories» непосредственных участников или свидетелей исторических событий. Если в первом случае исследователю остается лишь «собрать» «существующую в готовом виде» информацию (пословицы, сказания, эпос, обрядовый фольклор и пр.), то во втором – необходимая информация «добывается» с помощью интервью и последующего документирования материалов. Созданная подобным образом источниковая база содержит не только фактологические, но и оценочные сведения, в которых отражены взгляды и исторические суждения конкретного респондента⁸. Многолетний опыт полевой этнографической работы не позволяет автору настоящей рецензии полностью согласиться с представленным методологическим разграничением (тем более, что сама этнография в данном случае практически смыкается с фольклористикой), однако в целом приведенная схема достаточно полно отражает специфику устной истории как наиболее адекватного источника и метода изучения сибирской тыловой деревни в условиях военного времени.

Формы и способы выживания жителей сибирского тыла представлены в исследовании как непрерывная борьба разных групп сельского населения с голодом и холодом. Стремясь уйти от обобщенных оценок, авторы рассматривают адаптивные практики русских сибиряков с привязкой к природно-географической среде и конкретным видам «кормящих ландшафтов» – будь то солончаковые степи, лесостепные районы, притаежная зона, предгорья Салаира или горы Большого Алтая⁹. Опора авторского коллектива на разработанную в отечественной этнографии концепцию жизнеобеспечения определила системный характер исследования. Наряду с классической триадой «жилище–одежда–пища» в публикациях характеризуются такие ее «подсистемы», как отопление, освещение, личная гигиена, санитария, народные лечебные практики, собирательство, ловчие промыслы и пр.¹⁰

⁷ Там же. С. 7, 9, 11.

⁸ Устная история... С. 46, 49. В этом отношении устная история очень близка такому социологическому направлению, как рефлексивное крестьяноведение, в рамках которого сельские жители выступают не только как объект, но и как участники научного анализа (имеющие свое понимание историко-социальных процессов и явлений), т.е., фактически становятся его соавторами. См.: Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, 2002. С. 69–92.

⁹ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 15.

¹⁰ Устная история... С. 34–35.

Глубокое погружение в местные реалии позволило исследователям выявить определенные закономерности, связанные, в частности, с перемещением ряда основных компонентов системы жизнеобеспечения на периферию и наоборот. Было показано, например, что из разряда главных продуктов в годы войны уходит хлеб, его сменяют съедобные суррогаты – мучные изделия с добавлением дикоросов (лебеда, крапива и пр.), а картофель переходит в категорию базовых продуктов питания. Вместе с тем, отмечено, что война лишь закрепила тенденцию, которая наметилась в 1930-е гг. с ликвидацией единоличных хозяйств. Именно коллективизация, сопровождавшаяся трансформацией семейного земледелия в огородничество в рамках личного приусадебного хозяйства, привела к уменьшению в крестьянском рационе доли зерновых и массовому распространению посадок картофеля¹¹. Такие заместительные технологии подробно анализируются на примере других суррогатных продуктов – топлива (вместо дров – бурьян, полынь, кизяк, шишки, коровьи «глызды»), строительных материалов (вместо леса – глина, солома, дерн, камыш, валежник), белковой пищи (вместо мяса домашних животных – субпродукты охоты на полевых грызунов) и пр.

Учитывая сложный состав и неоднородную структуру сельского тылового социума Сибири, его этнокультурную дробность (сохранение традиций старожилов, казаков, чалдонов, кержаков, столыпинских переселенцев), начальное социальное расслоение (работники колхозов, совхозов, МТС и представители новой советской и партийной номенклатуры, а также разные категории местного и пришлого населения, включая депортированных и спецпереселенцев), авторы подчеркивают, что каждая из перечисленных групп вырабатывала свои стратегии выживания и собственные способы обеспечения своих базовых жизненных потребностей¹². Так, был сделан вывод, что в годы войны промысел сусликов стал массовой жизненной стратегией таких взаимосвязанных социовозрастных групп нетрудоспособного населения, как «дети войны» и поколение стариков (бабушек и дедушек). Причем в работе подробно описаны сезонные рамки промысла, состав участников, промысловые орудия (капканы, петли из конского волоса), способы ловли грызунов (выкуривание

и выливание из нор водой) и даже рецепты введения субпродуктов сусличьего промысла в систему семейного и бригадного питания на полевых станках¹³.

Один из наиболее значимых выводов исследования связан с обоснованием архаичного характера заместительных технологий, ориентированных на присваивающий тип хозяйства, независимо от сферы применения – будь то актуализация традиций освоения кормящего ландшафта (охота, рыболовство, собирательство), использование доступных природных материалов в строительстве или усиление роли домашних ремесел и промыслов (пряжение, ткачество и пр.). Архаизация стала ведущим трендом, характерным для всей системы жизнеобеспечения сельского тылового населения в годы войны¹⁴. Истоки данного явления авторы справедливо усматривают в процессах, получивших развитие десятилетием ранее и связанных с коллективизацией, сопровождавшейся «раскрестьяниванием» всего сельского населения. Форсированная модернизация в сфере сельскохозяйственного производства парадоксальным образом обернулась архаизацией в сфере жизнеобеспечения. По этой причине представляется не совсем корректным оценивать актуализацию архаичных технологий в жизни сельского тыла в годы войны как «возвращение к традиционной культуре»¹⁵. Точнее было бы обозначить данный процесс как формирование культуры *квазитрадиционного* типа (что не противоречит выводам авторов о высоком адаптационном потенциале русской культурной традиции).

В заключение следует подчеркнуть, что выполненное алтайскими историками под руководством Т.К. Щегловой исследование носит не только актуальный, но и новаторский характер. Построенное на устных свидетельствах очевидцев военной поры, оно по-новому раскрывает особенности жизни и быта сибирской тыловой деревни, расширяя понятие «Великой Победы» и воздавая должное гражданскому мужеству рядовых тружеников сибирского сельского тыла.

Г.В. Любимова,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: terra-gl@mail.ru

¹¹ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 14.

¹² Там же. С. 22.

¹³ Щеглова Т.К. Сусличьи промыслы... С. 152–164.

¹⁴ Устная история... С. 32. Аналогичные тенденции проявлялись не только в материальной сфере. Исследователи военного фольклора отмечают, что интерпретация некоторых военных событий с течением времени «приобретает мифологический характер», а «поведение людей на фронте обнаруживает крайне архаические модели восприятия действительности». См.: Грозное время... С. 5, 6.

¹⁵ Щеглова Т.К. Этнография русского крестьянства... С. 29.